



**М**аленький Князь сидел в кресле-качалке. Ему только что исполнилось полных семь лет. Это не шутки! Жизнь его текла беспечно, большую часть времени его занимали игры. Карты. Монжонг. Лапта. Сквош. И это далеко не все. Матери он своей никогда не знал, поговаривали, что она ушла с цыганами, когда Князю исполнилось два года. Он жил с нянюшкой и отцом, своенравным, можно даже сказать, злым. Отвратительный человек! Он рубил лес! Был очень скупым! У него не было подбородка и указательного пальца на левой руке. Об этом никто не знал.

Однажды Князь, гуляя по дому, забрел в кабинет отца. Он любил бродить по дому

и открывать разные ящики. Резные, гладкие, огромные, маленькие, совсем крохотные ящички. А также шкафы. Подвалы и погреба. Он любил рыться в чужом белье. Находить драгоценности. Выведывать тайны. Князь был очень любопытным! Но он никогда не был в кабинете отца, это было настрого запрещено. Запасной ключ от кабинета отец хранил в саду. Под небольшим камнем возле ограды. Об этом знали все. Князю не терпелось узнать, что же отец хранит в своем кабинете, что он прячет в своих ящиках. Князь дождался, когда отец отправится на обыкновенную послеобеденную прогулку, и без труда вошел в кабинет. Открыв первый попавшийся ящик он нашел там шестизаряд-

ный револьвер. Больше его уже ничего не могло заинтересовать. Однажды он увидел такой на картине графа де Корсо. Он мечтал иметь револьвер. И это в семь лет! Тогда он написал письмо от имени отца плотнику Рюгеру. Он просил сделать ему муляж. Он описал револьвер с великолепной точностью, он измерил все составляющие. Он умел подделывать почерк! И это в семь лет! Князь был очень талантливым, но скрытным. Никто не знал о его способностях. Револьвер был готов через три дня. И он был деревянным. Князь снова пробрался в кабинет отца, положил в ящик деревянную копию, а себе взял настоящий. Отец был стар и близорук! Он не заметит. Чтобы муляж был тяжелее, Князь просверлил отверстие в дуле и вложил туда свинцовую цилиндрическую палочку.

Князь дни напролет играл со своим револьвером. За этим занятием и застала его Белка-Лиса.

— Милый Князь! Я прошу тебя выслушать мою историю, она развлечет тебя.

Князь отложил в сторону револьвер и стал слушать рассказ Белки-Лисы.

— Род наш, хоть ныне и немногочисленный, в старину насчитывал до тринадцати тысяч семидесяти двух особей...

Князь, полагая, что рассказ может затянуться, велел Белке-Лисе выкладывать все поскорее, иначе он натравит на нее охотничьих догов.

— Слушаюсь, милый Князь, — ответила Белка-Лиса и продолжала так: — Рассказ мой будет короток, как ты просишь, но обещаю, что ты не пошевелишь и пальцем, пока я не закончу. Хорошо. Неделю назад я шла по нашему лесу и увидела куст. А рядом еще один. И на том кусте были ягоды, одна другой лучше. И я не удержалась! Я попробовала одну ягоду! Все закружилось, Князь. Деревья перевернулись корнями к небу, земля поползла под ногами, словно тысяча разъяренных змей. Я не могла стоять на лапках! И я упала без сознания. Очнувшись, я увидела, что лежу у реки, а на берегу сотни... О, нет, наверное, тысячи кустов со странными ягодами! Из веток я сплела две корзинки и начала собирать эти ягоды.

Вдруг услышала шум за спиной. Кто-то шел! Огромный. Это был старый вепрь, самый умный в нашем лесу. И он сказал: «Те ягоды, что ты собираешь, обладают необыкновенным свойством. Они дают возможность предсказывать будущее. Будь осторожна!» Это все, что он сказал. И ушел. Больше я его никогда не видела. Оказалось, что все это правда. Ягоды действительно обладали таким свойством. Я проверяла их на многих зверях. И даже на деревьях! На свежей весенней траве! На речных камнях. И все они были недовольны тем, что я им рассказывала. Судьба их была плачевна. И ты, Князь, имеешь к этому отношение. Я пришла сюда, чтобы отомстить твоему отцу, что рубит наш лес. Собирает все грибы. Убивает животных ради развлечения! А еще он хочет построить огромный нефтеперерабатывающий завод у истока нашей реки. Я все знаю, Князь. Я съела около восьмисот граммов ягод, пока шла к тебе, я все прекрасно вижу, маленький Князь. Сейчас ты очень разозлишься, когда я скажу тебе, что отец твой умрет от горя. А горевать он будет потому, что не сможет застрелиться, потому что ты поменял его револьвер на деревянный муляж. А застрелиться он захочет потому, что очень любит тебя, Князь. Да! Его очень расстроит, что он не сумел предостеречь тебя от раннего увлечения оружием. Как он об этом узнает? Ты уже злишься, Князь. У тебя побагровело лицо. Ты сжимаешь маленькие кулачки. Вот ты встаешь, берешь револьвер и бежишь на Северный Утес. Ты пропал из виду, Князь... Там, на Утесе, ты выстрелишь себе в ногу, опустошишь разом всю обойму. Я уже слышу выстрелы! Раз! Два! Три! Четыре! Пять! Шесть. Твоя нога превратилась в кашу, ты зовешь на помощь... Однако мне пора уходить.

Так сказала Белка-Лиса и ушла.

Все произошло так, как предсказывала Белка-Лиса. Князь остался без ноги и слег. Врачи обнаружили гангрену и сообщили отцу, что его сын не проживет и недели. Отец, ранее бесчувственный и сухой, теперь рыдал дни напролет. Он скрывал то, как он любит маленького Князя. Теперь

это всем было видно. Он проводил дни и ночи у кровати Князя, омывая его слезами. Князь все время спал и просыпался только на долю секунды, чтобы чихнуть. После чего снова впадал в забытие. Жизнь постепенно покидала его. Кожа стала прозрачной. Уши увеличились. Нос провалился. Отец не мог больше смотреть, как умирает Князь. Он закрылся в своем кабинете, чтобы покончить с собой.

— Сынок, ты скоро умрешь! Я знаю это. И я этого не вынесу. Лучше я буду ждать тебя там.

Так говорил отец. Он запустил руку в ящик, нащупал револьвер и поднес его к своему виску. Он закрыл глаза и нажал на курок. Он принимал эту смерть! Спокойно. Ему больше нечего здесь делать. Но револьвер отказывался стрелять, курок не поддавался. Тогда отец, рассвирепев, стал бить себя револьвером по голове. Один удар. Другой. И так много раз. По лицу его стекала кровь, седые волосы побагровели, но умереть никак не получалось, от усталости сводило челюсть, руки отказывались подниматься. Тогда он, не в силах покончить с собой, уснул. Проснувшись, он позвонил в звонок, чтобы ему принесли ужин. Нянюшка приготовила ему прекрасный айнтопф и поставила возле двери кабинета, как он и просил. Мысли о самоубийстве не покидали его. Доев свой ужин, он снова затосковал. Он проглотил ложку в надежде, что она застрянет в горле и перекроет дыхательные пути. Но она проскочила. Тогда он разбил тарелку и стал есть осколки. Осторожно. По кусочку. Это возымело некоторый эффект. В желудке начались нестерпимые рези. Кровь пошла горлом. Он залил ей все, что только можно. Обои. Мебель. Газеты и документы. Через двенадцать минут он отдал богу душу! Он наконец добился своего.

Вопреки заверениям врачей маленький Князь выздоровел. И довольно скоро. Отца еще не успели похоронить. А точнее, хоронить его было просто некому. Никто его не любил. Он пролежал почти две недели в продуктовом ящике, обложенный льдом. О теле заботилась нянюшка. С тех

пор как умер отец, все обходили дом, словно это был лепрозорий! Подумать только! Но это было справедливо. Князь не очень удивился, узнав о смерти отца. Ведь он заранее был предупрежден. Однако пару раз им овладевала печаль. Ведь он узнал, что его отец — злой, тщедушный и сухой старик — очень его любил! После такого задушаешься. С телом надо было что-то делать, и они с нянюшкой решили похоронить его на возвышении Мелькиаль. Похороны были не такими уж пышными! Со стороны Северного Утеса можно было наблюдать, как две фигуры тащили двухметровый ящик — одна довольно тучная и сгорбленная, вторая, поменьше, опиралась одной рукой на костыль, а другой держала гроб — пересекли плато, а потом стали медленно подниматься в гору. Множество зверей собралось со всех сторон, среди которых была Белка-Лиса. Ей было жаль и Князя, и его отца. Но она не слишком себя винила! Она жила лесом, это был ее дом, и она смогла его защитить. Лесная душа. Ей повезло, вот-вот она станет героем. Она об этом знала. Как знала каждую бороздку своей судьбы, в ее власти было многое относительно своей долгой жизни. Все же она не стала больше прибегать к помощи необыкновенных ягод, свою судьбу она знала. И довольно. На этом следует остановиться. Она больше не хотела распоряжаться чужими судьбами. Это не ее дело! Хватит.

В лесу, после смерти отца, дела пошли в гору. Животные объедались грибами. Всегда была чистая питьевая вода. Про подвиг Белки-Лисы знал весь лес! Бобры-Щелкуны даже организовали культ своей спасительницы. Они выщелкали целую статую Белки-Лисы в человеческий рост! Дикие кошки исцарапали почти половину деревьев наилучшими пожеланиями. Многие признавались ей в любви. Обещали быть верными. Однако Белке-Лисе все это не очень-то нравилось. Она чувствовала вину. Воспоминания преследовали ее неотступно. Она просто извела себя. Почти ничего не ела.

Шли годы, вести из имения Князя были неутешительны. Он полностью замкнулся. Многие отвергли его за уродство. Он очень

много ел и мало двигался, отчего раздался на добрых три локтя вправо и четыре влево. К тому же он был одноногим и полоротым. Остальных он отверг сам. Единственным его развлечением была еда. Он заказывал себе лучшие блюда со всего света ежедневно, а любимейшим блюдом Князя были заварные блины на кефире с кипятком и ананасовой крошкой. Но иногда даже еда ему надоела. Тогда он просто лежал и старался ни о чем не думать.

В таком состоянии и застала его Белка-Лиса. Прошло целых тридцать человеческих лет с момента их первой встречи! И почти сто восемь лисье-белочьих. Белка-Лиса была уже совсем не та! Она не прыгала и не виляла хвостом. Последний отпал на семьдесят третьем году жизни, как и у всех из ее рода. Она была долгожительницей. Князь ее, конечно, не узнал. Она сообщила ему, что приближается конец ее долгой и трудной жизни. Она решила прислуживать ему и потчевать его различными историями. Белка-Лиса хотела скрасить одиночество раздобревшего и близкого к помешательству Князя. Она раскаивалась и хотела таким образом искупить вину! Князь позволил ей остаться и назначил новой нянюшкой, так как предыдущая угодила в медвежий капкан, собирая испанский козалец. Известно еще со времен Амальрика Бенского, что это растение любимейшее лакомство медведей.

Белка-Лиса представилась Князю Тетушкой Зихель. Так он ее и называл. На следующий день, после обеда, она рассказала Князю первую из своих многочисленных историй. Начала она так:

— Род наш, хоть ныне и немногочисленный, в старину насчитывал до тринадцати тысяч семидесяти двух особей... В лучшие времена! Первым в нашем роду был Скиур, сын грозного Вольпа. Он имел большой пушистый хвост! И белое брюшко. Скиур прославился в битве при Желтой Ели. Отныне там большой мемориал, построенный Ухохвостом Четвертым. После себя он оставил трех сыновей и шестнадцать дочерей. Один из трех сыновей является моим прямым предком. Это храбрый Страминей. Однаж-

ды к Страминейу пришел Рогатый Фульвип, предсказатель тех далеких лет. Один из первых в лесу! Мастер решета и чудес. И сказал Страминейу, что род его на нем и закончится. Страминейу долго горевал по этому поводу, пока не пришла его жена. Она велела прекратить лить слезы. Она была настроена решительно! Она сказала Страминейу, что знает, как продолжить род. Он должен был отправиться на поиски Арктониса Черного и вырвать у него сердце. И съесть его не жарив. И не сварив. Что он и сделал. С тех пор мои предки стали есть сердца исключительно сырыми. Род продолжился. После Страминейа был Деппей, после Деппея Той, добрейшее существо, Той родил Сехура, Сехур родил Фламмифера, Фламмифер родил... и так далее! До самого Пиррхина, моего отца. Его называли в честь прадеда — Пиррхина Равнинного. Он боялся высоты! Никаких елей. Или скал. Его съели через два дня, после того как он родил Скиурина-Лиса, моего деда. Но об этом потом! Теперь я хочу рассказать тебе первую из моих историй.

Она продолжала:

— Мой отец Пиррхин был слепым, поэтому хозяйничать приходилось мне. Весь наш дом я держала в своих лапках. И вот Пиррхин послал меня на восточный конец леса, где росли замечательные крылоорешники, плоды которых Пиррхин просто обожал. О, это был очень странный край! Но отец ничего об этом не знал. В нем жили самые необыкновенные звери, которых мне приходилось встречать. Все они страдали каким-нибудь недугом. Но эти недуги открывали в них уникальные способности. Они платили за них болью и одиночеством. Порою плата превышала дарованное умение, как, например, у легендарного Змея-Ри. Змей-Ри терял по четыре сантиметра своей тушки всякий раз, когда его целовали самки. А ведь он был очень красивым! Это был самый красивый гад в нашем лесу. Целовали его постоянно. Несмотря на то, что Змей-Ри был просто огромным, умер он через десять часов пятьдесят три минуты после того, как родился. Последним поцеловали кончик носа, который был особенно хорош. И он исчез.

Другим несчастным был мой хороший друг — медвежонок Гастон. Гастон был знаменитым, о чем даже не догадывался. Он напевал себе под нос прекрасные мелодии. Романсы. Ритурнели. Баркаролы. И порой даже целые десятиактные оперы! Затем эти мелодии напевал весь лес. Их до сих пор помнят. За это Гастон платил тем, что он никак не мог вырасти. Вот уже полвека он сидел на куче золы и напевал грустные мелодии. Таким я его и увидела. Это был совсем малыш! Хотя и ростом он превосходил среднего лося, все равно среди медведей считался маленьким. Увидев его, я тут же начала расспрашивать. И он мне все рассказал. Ничего особенного! Многие знали, что пыльца красных колокольчиков способствовала росту. Даже если на тебе лежит проклятие. Любое. Самое сильное. Так я ему и сказала. Он тут же начал упрашивать меня, чтобы я принесла ему эти колокольчики! На что я ответила, что важно было вдыхать пыльцу только тогда, когда растения находятся в земле. И не просто в земле, а на Краю Света. Вот так. Медвежонок сразу поник. Настоящий лентяй! Полвека он не поднимался со своего пепелища. Наконец, поднявшись, он отряхнулся. Пыль разлетелась на пол-леса. Только через четверть века сажа полностью сошла с ближайших к пепелищу деревьев.

Тетушка Зихель достала из нагрудного кармана арабскую трубку и закурила. Князь закашлялся.

— И тогда мы отправились. Дорога заняла у нас три недели. С многочисленными привалами. И праздным созерцанием окрестностей. Мы не очень торопились! Дорога проходила через всю восточную часть леса, потом мы повернули южнее — к скалам Оо-У-аа. Никто толком и не объяснил, почему они так называются. Но я потом сама догадалась. Перейдя через скалы, мы оказались на берегу озера Аарх-Ур. Нигде и никогда я больше не встречала таких диких названий! Там жили настоящие варвары. Они могли только рычать, мычать или бляеть. Оттуда и их названия. Как звери образованные и весьма одаренные, мы не понимали их языка. Еще чего! Мы обходили их стороной,

мы не отвечали на их невразумительные речи. В конце нашего путешествия мы уже не могли смотреть на все эти морды. И рыла. Озеро нам было необходимо переплыть, это был самый короткий путь. Но так как плавать я не умела, пришлось нанять местных аборигенов за банку ежевики. И они смастерили нам плот. Тут их было не превзойти. Лапами они работали явно лучше, чем головой! Отплыв от берега, мы заметили, что среди местных началась война. Из-за банки ягод. Они рвали друг друга в клочья, вырывали куски шерсти. Кусались и выли. Переплыв озеро, мы высадились почти у самого Края Света. До него было рукой подать. Поднялся порывчатый ветер и идти стало сложнее. Из-за сильного ветра дорога от берега озера Аарх-Ур до Края Света заняла у нас десять дней! Нас то и дело приподнимало над землей и отбрасывало назад. В мордочки нам летели камни. Мелкие насекомые набивались в нос и в уши. Огромные птицы безвольно пронеслись мимо, подхваченные непрекращающимся воздушным потоком. Их глаза были до того печальны, что мы с Гастоном даже подумали прекратить наше путешествие. Однако мы наконец дошли. Нам открывался прекрасный вид! За Краем Света начиналась тьма. Уставшие от долгой ходьбы, мы сели на самый Край Света, свесив лапы в темноту. И тут мы заметили! Да. Это были они. Красные колокольчики. Они росли на уступе, который выдавался из Края Света. Он разрезал ровную отделяющую линию. Уступ же находился в добрых ста метрах под нами. Нас прямо подкосило на месте. Мы распростерлись на земле в изнеможении. Мы так устали! Ужасно. Но Гастон оказался на редкость упрямым. Через минуту он вскочил и затопал обратно. Идти было уже не так трудно, так как ветер все время дул только в одну сторону. А именно в сторону нашего леса. О, мы даже немного пролетели! Медвежонок Гастон сказал мне, когда мы уже плыли на плоту, что он возвращается замлестницей. Мудрое решение. Из паруса мы сшили два мешка — один побольше, а другой поменьше. И набрали в них ветра. Под завязку. Этот ветер помог сократить время обратного пути,

то и дело подгоняя нас. Мы двигались даже во время сна. Вернувшись в лес, мы тут же заказали огромную веревочную лестницу. Бобры-Щелкуны выщелкали нам прекрасные жердочки. Маленькие Крявки соединили их прочными волоконцами из хлебного дерева и сухожилиями морского слона. Лестница была готова, и мы снова двинулись. Дойдя до озера Аарх-Ур мы обнаружили, что наш плот сожгли. Но у нас еще оставалось немного ветра в мешках. И мы перелетели озеро. На берегу мы решили перекусить, так как не ели уже несколько недель. Мы были истощены! У Гастона лезла шерсть. Он был почти лысым. У меня брюшко впало настолько, что можно было различить очертания всех органов. Мы постелили на землю мешки, разложили пищу и стали неторопливо есть. Однако мы не спускали глаз с Края Света! Мы все время косились на него. Наевшись, медвежонок затаил одну из своих мелодий. Знаменитых. И легендарных. Я так заслушалась, что совсем забыла, где я и зачем. Мелодия была такой грустной и прекрасной, что на Край Света я уже не обращала внимания. Что он такое? Сухая ерунда по сравнению с даром Гастона. Но сам Гастон был начеку. Он пел и наблюдал. Вдруг мелодия прекратилась. Я тут же очнулась. И я спросила Гастона, почему он замолчал. Он смотрел на Край Света и плакал. За Краем Света что-то вспыхивало! Волны света накатывали и исчезали. Одна за другой. Потом все утихло, даже ветер перестал дуть. Мы уже не надеялись их увидеть. Эти колокольчики! Подойдя к Краю Света мы посмотрели на уступ. Какое несчастье! Колокольчики превратились в сморчки! Они жутко пахли и выделяли зеленоватую слизь. Но Гастона было не остановить. Ему нечего терять. Он развернул лестницу и стал спускаться на уступ. Я же осталась наверху и кричала ему вниз. Я его отговаривала от этой глупой затеи. Он хотел съесть сморчки и посмотреть, что из этого выйдет. Он не желал меня слушать. Ладно. Я сделала все, что могла. Это уже не мое дело! Медвежонок Гастон добрался до уступа и опустился на колени перед сморчком, чтобы как следует его рассмотреть. Но глаза

застыли слезы. Отвратительный запах. Тогда он зажал ноздри и съел первый сморчок. Потом второй. Он очистил весь уступ. Вылизал всю слизь. И упал без чувств. Я побежала звать на помощь и вернулась, когда уже смеркалось. Я привела дюжину докторов, полсотни спасателей. Я нашла бабушку Гастона! Она была такой старой, что в ее шкуре можно было отыскать окаменевших аммонитов. Мы подошли к Краю Света и посмотрели на уступ. Как же мы удивились тогда! Медвежонок Гастон исчез. А на том месте, где он лежал, выросли два красных колокольчика.

Такой была первая история Белки-Лисы. У Князя уже слипались глаза, он начал зевать. И Белка-Лиса решила отложить дрягую свою историю до следующего дня.

Проснувшись, Князь обнаружил себя сидящим за кофейным столиком и играющим в домино с тетужкой Зихель и еще одним, неизвестным ему существом. Князь был возмущен. Ведь часы показывали только восемь утра! За последние десять лет он лишь однажды проснулся раньше обеда.

— Вы кто? — обратился Князь к незнакомцу.

Но тетужка Зихель пригрозила ему своим лохматым пальчиком. Князь еще больше возмутился, но решил промолчать.

— Князь! — заговорила тетужка Зихель, стряхивая пепел со своей португальской папиросы, — знаете ли вы, кто сегодня вас навестил? М? Не знаете. Это сам Арктонис Черный... Да-да, тот самый! Если помните, Князь, мой дальний предок Страминей вырвал и съел его сердце, чтобы продолжить наш род. И слава Богу. Но Арктонис Черный не умер, потому что был и знал, что его предки давным-давно научились заменять один орган другим. Ведь внутренние органы мужских особей его рода считались настоящим лакомством среди зверей Малой Северной-Большой Южной Равнины. Женские особи были хороши только снаружи. И Арктонис заменил сердце селезенкой, отчего стал часто лить слезы без особой на то причины. А еще он слеп, нем и глух как пень. Однако Арктонис Черный знает слишком

много историй, чтобы молчать. О, он еще тот болтун! Для того, чтобы рассказывать свои истории, он обучил певчих Голубых и Желтых Вертишек произносить гласные и согласные. Каждой Вертишейке по букве. Всего, Князь, Арктонис обучил двадцать две Голубые Вертишейки и пятьдесят семь Желтых. Чтобы обозначать точки, он выписал с окраин Саут-Готорна двух умных грачей, для восклицательного и вопросительного знаков скворца необыкновенного и трясогузку восхитительную, для запятой клушу, для двоеточия крякву, кавычками Арктонис назначил двух пеночек — теньковку и трещотку, многоточие обозначают подорлики, а тире — сипуха. И скоро они все будут здесь! И тогда Арктонис сможет рассказать нам одну из его историй. А пока, милый Князь, выпей вот это.

Тетушка Зихель протянула Князю стакан, наполненный розоватой жидкостью. Князь опустил в стакан указательный палец, достал его и облизнул. По телу пробежала дрожь. Он поднял перед собой стакан, чтобы лучше его рассмотреть. На нем проступали и исчезали символы... Появлялись странные слова и предложения. Роо Раа ааа... Шы-ши, пи-пи! Ничего не понятно. Ооо лю-лю аааа уууу ди дю... Князь хотел было спросить что все это значит, но ни тетушки Зихель, ни загадочного гостя уже не было. Они куда-то пропали. Князь сидел на небольшом оранжевом коврикe среди холмов, напомнимших ему холмы, описанные нянюшкой в рассказах о Сорочьей Пустоши. Во рту у него была трубка из волчьей кости. Он нащупал в кармане стакан. Вновь осмотрел его. Ничего особенного! Никаких уур дю-дю и прочего. Князь подумал, что он до сих пор спит, ослабил и стал ждать, пока кто-нибудь его не разбудит. Прошло немало времени, прежде чем Князю наскучил его сон, и он решил выбраться из него самостоятельно. К тому же становилось холодно, а костер Князь разводить не умел. О, лакомка! О, белоручка! Он был высоких кровей! Он выплюнул трубку и огляделся. Позади него возвышался дымный столб. Князь побряхтел, поднялся и, хромя, зашагал в сторону дымка.

— Заходите, милый Князь! Ачу-чу! Мы уже заждались.

Князь вошел в теплую пещеру, где его встретили два хихикающих карлика. Они явно были навеселе. Они тут не скучали! О, конечно. Их лица были раскрашены голубым углем, а волосы заплетены в сотни крохотных косичек. Ачу-чу! Князь так устал и замерз, он был так голоден, что ему было совершенно наплевать. Полная ерунда. Пусть ему дадут поесть, а потом он уже разберется, в чем здесь дело.

— Раздевайтесь, Князь. У нас здесь тепло и прекрасно! Чау-чауа! Вы здесь отдохнете и найдете все что угодно. Мы знали, что вы скоро придете, ведь у вас есть то, что нам нужно. Позвольте мне снять с вас штаны и обыскать ваши карманы.

Князь не сопротивлялся, он лег на теплый камень поближе к костру и позволил карликам стянуть с себя штаны. В конце концов, наплевать. Он потом все поймет! Пусть все идет своим чередом, а там уж видно будет. Муа-чача!

Карлики были в восторге. Они наконец добрались до стакана, который тетушка Зихель дала Князю. Он был всем и он был везде. И он был большим в малом и малым в большом. Они жили и знали это наверняка.

— Чичуа-чачаи! — закричал один карлик.

— Ачаичи-чиу! — поддержал его другой.

Князь покончил со второй порцией мичакадо и почувствовал себя намного лучше. Тогда он приступил к третьей, запивая ее крепчайшей чучей. Замечательно! И тогда он попросил карликов рассказать о стакане.

Один из них начал так:

— Если ты желаешь, Князь, знать о Стаканчике, то мы тебе расскажем. Если ты хочешь большего, чем есть, то ты услышишь. Если тебе наплевать, то ты выше и радостней, чем кто-либо. Если ты печален, то дух твой — серебряная змея, уснувшая миллион лет назад на могучем облаке, и ты — Бог. Первое, что тебе следует знать о Стаканчике, это... Послушай! Если Стаканчик существует, он существует с необходимостью. Второе. Если Стаканчик не существует с не-

обходимостью, тогда сам этот факт имеет место с необходимостью...

— Учуа-чу... — заворковал второй карлик.

— Третье. Внимательно! Если необходимо ненеобходимое существование Стаканчика, значит, необходимо его несуществование. Четвертое, что тебе следует знать о Стаканчике, Князь, это то, что Стаканчик или необходимо существует, или необходимо не существует. Пятое. Нет никакой необходимости в несуществовании Стаканчика. Таким образом, Стаканчик существует с необходимостью.

— Откровенно говоря, — начал вдруг, нахмурившись, второй карлик, — рассуждение твое больше похоже на софистический набор хитростей, чем на доказательство в строгом смысле. При этом самым слабым местом выглядит пятое допущение — о том, что нет необходимости в несуществовании Стаканчика. С таким же успехом мы могли бы заявить, чиа-чи, что в его существовании нет никакой необходимости. И тогда из четвертого и пятого допущения получили бы заключение, что Стаканчик с необходимостью не существует.

Князь заерзал на камне. Он все еще мало что понимал, но было ясно, что карлики вот-вот поспорят. И он, Князь, был тому причиной! Так ему казалось. Первый карлик принял боевой вид:

— Учуар-чачара! Пожалуйста, расскажи нам с Князем свою версию существования Стаканчика, если ты велик и ты можешь! Мы тебя слушаем.

И карлик сел на камень рядом с Князем, сжимая в руке острый каменный дротик.

— Ачаи-чуаи... Хорошо, я попытаюсь формализовать твое рассуждение. Я здесь, и я знаю как. Первое. Послушайте. Найдется возможный мир, в котором Стаканчик имеет место. Второе. Необходимо, что Стаканчик является настоящим, только если он обладает Розовой Водичкой. Затем, необходимо, что Стаканчик обладает Розовой Водичкой в каждом мире, только если он обладает всезнанием, всемогуществом и моральной безупречностью в каждом мире...

— Так.

— Чичи-ча! Не перебивай! Дальше. Высказывание «Не существует всемогущего, всезнающего и морально безупречного Стаканчика» является невозможным по крайней мере в одном возможном мире.

«Полная ерунда, — подумал Князь. — Наплевать».

— Пятое. — продолжал второй карлик. — То, что невозможно в одном мире, невозможно в каждом мире. Шестое. Высказывание «Не существует всемогущего, всезнающего и морально безупречного...»

Не успел второй карлик договорить, как в его голове оказался каменный дротик первого карлика. Князь вскочил, попытался выбежать из пещеры, но споткнулся об лежащий на земле томагавк и упал прямо на первого карлика. Бедный! Он задохнулся через пару минут, погребенный под тучным телом Князя. Оно так и осталось лежать в пещере, тогда как другое очнулось и увидело все тот же кофейный столик. На него смотрела и улыбалась тетушка Зихель.

— С возвращением, Князь! Мне пришлось усыпить тебя, Князь, чтобы ты не заскучал в ожидании рассказа Арктониса Черного. Но то, что с тобой там произошло, произошло не просто так... О, будь уверен! Я тебе потом все объясню! А теперь смотри, летят птицы Арктониса! Сейчас мы послушаем его рассказ.

Арктонис взял в руки две палочки и стал ими размахивать. Птицы взметнулись, словно старики на остановке, увидевшие долгожданный уютный автобус. Казалось, что он дергает за невидимые нити, привязанные к каждой птице. Тетушка Зихель плюнула на ковер.

Арктонис начал так:

— Когда я был ребенком... меня определили в специальную Третью Высшую Лесную школу М. М. Всем известно, что М. означает «Маленьких», а М — «Магов». Мои родители, Ферус и Минутка, были потомственными магами и предсказателями. Однако в то неблагоприятное время, время правления Элагруса Второго, им приходилось скрываться. Папа Ферус валил лес, а Минутка вела



подсчеты затрат и прибыли на шишечном производстве дяди Джузгуна. Джузгун состоял в тайном сообществе, под чьим покровительством и была построена Третья Высшая Лесная школа М. М. Как вы уже поняли, школа М. М. была единственной в своем роде, а порядковый третий номер ей был присвоен для конспирации. Дядя Джузгун однажды подошел ко мне и сообщил, обдав парами напитка из перебродивших шишек, что я не просто какой-то там Арктонис, а самый настоящий Арктонис Черный! И что я потомственный чародей. И что я буду отправлен в особенную школу для подобных мне. И что меня научат тому, чему следует. И что отныне я должен держать рот на замке. Затем дядя Джузгун приложился к огромной железной фляжке и, сопя, опорожнил ее. Я был в замешательстве! Кто? Маг? Ну ладно, посмотрим. На следующий день меня разбудили слуги дяди Джузгуна — Парвиз и Учпедгиз, дали мне пощечину, завернули в матрас и увезли в школу. Прекрасно! В школе я быстро освоился и нашел друзей. Одного из них звали Обтус Инфлатус Коричневый, его прозвали Анчоусом за характерный запах. Анчоус был невзрачным зверьком с огромной душой и кривыми зубами. Его родители не были магами в полном смысле этого слова, так, совсем немножко. Но и этого хватило, чтобы малыша Обтуса тоже взяли в Ш. М. М. Он был лучшим и самым верным из моих друзей. Он был отвратителен.

Тетушка Зихель вытерла бархатным рукавом пот со лба Князя. Князь зевнул.

— Шел три тысячи семьдесят второй год. Элагрус уже десять месяцев воевал с народной армией Дю Картюса, который так же, как и мой дядя Джузгун, состоял в Обществе Семнадцати Лилий. До нас донесся слух, что Дю Картюса захватили в плен в ходе битвы за Чертову Канавку и посадили в Лоно Медведицы. Так называлась самая известная в то время тюрьма для врагов режима Элагруса Второго. Без Дю Картюса народная армия начала сдавать позиции, Элагрус выигрывал битву за битвой и толстые феодалы вновь стали радоваться в своих феодах, пить кедровое пиво и насиловать бледных

кухарок. И тогда мы, я и малыш Обтус, решили освободить Дю Картюса из Лона Медведицы, о чем мы и сообщили магистру Жюльгреви. Магистр приподнял бровь, высморкался и благословил нас. После чего мы отправились к дяде Джузгуну, чтобы он принял нас в Общество Семнадцати Лилий. Нас встретил Учпедгиз и добродушно надавал пощечин, сказав, что дядя Джузгун вернется только вечером и нам придется подождать. А пока он нам покажет знаменитые смердящие склепы и откроет тайну, которую они скрывают. Мы спустились под землю, Учпедгиз зажег касторовую лампу и осветил стены склепа, на которых были нарисованы различные непристойности. Он выдал нам пробковые затычки для наших мокрых носиков, чтобы наши глаза не застилали слезы, потому что смердящие склепы действительно смердели. Учпедгиз наступил на уснувшую лягушку и начал так:

— История смердящих склепов темна, словно шкура гориллы, и загадочна, как мысли этрусского медведя, собирающегося полакомиться мамонтом. Вы, наверное, слышали про Филя Пютана, сына прекрасной волшебницы? Еще бы! Более двух с половиной веков назад, в 2815 году, Филь Пютан построил первый склеп. В нем мы сейчас и находимся. Посмотрите направо, и вы увидите замечательное панно, изображающее зачатие Филя Пютана. Это его мать в окружении пяти выдающихся магов. До сих пор ведутся споры, кто именно из них был отцом Филя. Итак, Филь Пютан родился на четвертый год осады Ру-Крукру озерными братьями розового овала, то есть в 2783 году. Детство его было паршивым, юность отвратительной, а молодость гадкой, как и полагается у всех приличных обитателей восточной части нашего леса. Однако невзгоды сделали его крепким, а воздух, веющий с озера Кихихю, сделал его мнительным и осторожным. Тогда Филь Пютан съел банан и нанял архитектора, который и спроектировал эти склепы. Работа была долгой и трудной! Склепы росли под рукой мастера, резцы и надфили сверкали в каменной пыли... Филь Пютан, бросивший на пол огрызок яблока и при-

севший отдохнуть, решил создать тайное общество, чтобы управлять всем миром из смердящего склепа. Филь Пютан подозвал архитектора, выбивающего в стенах склепа грандиозные и невиданные фигуры, и сообщил ему, что он будет назначен Вторым Главным Магистром Общества Семнадцати Лилий. Архитектор, по просьбе Филья, встал на одно колено, приложил грязный башмак к своей груди, поцеловал в живот Первого Главного Магистра и громко выругался. Так было основано тайное и загадочное Общество Семнадцати Лилий. Посмотрите налево, и вы увидите герб, на котором изображена жаба. Во рту у нее пук лилий, а из пупка наполовину показывается башмак, что означает ее всеведение и ее первичность. Ее глаза, глядящие на вас словно солнца, покинувшие свои привычные небесные координаты и пустившиеся в оголтелый пляс за пределами вселенной, означают великий навет и гадкие козни, направленные на своих врагов. Филь стал разрабатывать план, согласно которому Общество Семнадцати Лилий должно было растянуть сети своих тайных помыслов по всему лесу и тем самым подчинить всех его обитателей своей воле. Но, сидя в склепе и дописывая таинственный план, Филь Пютан был убит внезапно свалившимся с потолка склепа сталактитом. Его забальзамировали именно в том положении, склонившегося над рукописями. Скоро мы его увидим. После смерти Филья Пютана Общество возглавил архитектор, которого звали Ауритус Ди Каритис, дальний родственник нашего Дю Картюса. Утром он спустился в склеп, жуя бутерброд, и обнаружил, что Первый Главный Магистр мертв. Ауритус пожал плечами и продолжил свою работу. Два десятилетия ушло у него на то, чтобы закончить строительство смердящих склепов и еще пять на любование своей работой. Налюбовавшись вдоволь, Ауритус решил заглянуть в склеп, где лежал бездыханный Филь Пютан. Приподняв его голову, из которой торчал обломок сталактита, Ауритус заметил рукописи, в которых был начертан план. Ауритус присвистнул и почесал затылок. План заинтересовал Ауритуса

и он решил довести его до конца. Дописав последнюю страницу плана и чихнув, Ауритус вышел на поверхность, чтобы вербовать достойных и хохотать над ничтожными. Общество стало расти, нити заговора и впрямь стали опутывать лес. Именно тогда к власти пришел Элагрус Первый. Обитатели смердящих склепов насторожились. Зрела новая война... Ру-Крукру был захвачен братьями розового овала, ранее независимая восточная часть леса перешла во власть розовых феодалов и их короля Элагруса. Тогда Ауритус Ди Каритис собрал первую народную армию. Она состояла из очень мудрых, но далеко не молодых воинов. Розовые, смеясь, называли их дряхлыми цветочниками, седыми лютиками, бородатыми фиалками и так далее. Однако этим старичкам все же удалось добиться некоторого успеха. Спустя шесть месяцев ожесточенных боев они отвоевали у розовых крепость Кия-Куру и захватили в плен четырех важных феодалов, которые впоследствии выпили чашечку кофе и стали почетными членами и хранителями тайн Общества Семнадцати Лилий. Правда, скоро удача их оставила, и им пришлось вернуться в смердящие склепы, где они и сидели до тех пор, пока к ним не спустился Дю Картюс и не вывел их подышать свежим воздухом.

— Когда мы рассматривали сидящего под стеклянным колпаком Первого Главного Магистра, в склеп спустился дядя Джузгун. Он икнул и поприветствовал нас секретным жестом, значения которого мы тогда еще не знали. Дядя Джузгун поблагодарил своего слугу и отправил его наверх, объяснив нам, что сейчас совершится таинство посвящения. Он протянул нам фляжку и велел сделать по три глотка. У моего Обтуса тут же закружилась голова, и он присел на каменный пол. Дядя велел мне сесть рядом и скрестить ноги за головой. Как следует насмеявшись, наблюдая за моими попытками закинуть ноги себе за голову, дядя сел напротив нас и влил в себя остатки из фляжки. Икнув и погладив себя по колену, дядя начал бормотать про себя какие-то заклинания и делать такие движения лап, словно

он ловил мух. Затем он велел нам встать на одно колено и поцеловать друг друга в живот, громко при этом ругаясь. Прodelав несложную процедуру, мы сняли башмаки и прижали их к ушам. Дядя был доволен. Тогда он велел нам повторять за ним. Он говорил: пипи-пупу. Он говорил: пю-пи-пю-па. И мы повторяли за ним. На стенах начали проступать новые, невидимые до этого рисунки. Храбрый воин жевал жвачку, пронзая рыжую лань. Маги бешено кружились вокруг жертвенника, достигая в своем хороводе немыслимых скоростей, и срывались с земли, схлопывая за собой пространства. Великий Магистр надувал мыльные пузыри и подпрыгивал на одной ноге, разрушая законы и смеясь над логикой мира. Дядя даровал нам должность Привратников и велел свято чтить тайны и устав Общества. Он велел нам гордиться смердящими склепами и восторгаться их противными жабами. Мы поблагодарили его и отправились вызволять Дю Картюса из Лона Медведицы.

Князь тихонько застонал и попросил перенести рассказ на завтра, так как он очень хотел спать. Тетушка Зихель строго на него посмотрела, и пепел с ее парагвайской сигары слетел на ковер. Арктонис был глух и слеп, поэтому просьба Князя осталась незамеченной, и он продолжил:

— Знаменитая тюрьма располагалась неподалеку от поселения Хи, чьи жители были известны всему лесу своим умением находить нужные травы и синтезировать из них различные вещества. Они знали так много всего, что самый мудрый обитатель любой другой части леса вызывал у них хохот, как только открывал рот. Мы с Обтусом решили обойти поселение Хи стороной, ведь мы были еще очень глупы и не хотели, чтобы над нами смеялись. Никто не охранял Лона Медведицы, потому что тюрьма была спроектирована так, что пробраться в нее было практически невозможно. Она представляла собой высокую арку, в верхней точке которой располагалась камера для заключенных. Их поместили туда с помощью прекрасных грузовых орлов, стоящих на вооружении войск Элагруса Второго. Вни-

зу, между сводами арки, росло небольшое деревце, которое через триста лет должно было достичь вершины арки и по которому могли бы спуститься заключенные. Однако времени у нас было не так много, и мы решили попросить помощи у жителей поселения Хи. Встретили они нас, как и ожидалось, насмешками. Но узнав, что мы хотим освободить Дю Картюса, они нахмурили свои лохматые лбы и скрестили на груди маленькие лапки. И стали размышлять. От толпы отделился толстый зверек и велел нам следовать за ним. Мы дошли до просторного жилища, вырезанного в тысячелетнем дереве. Зверек приложил хвост к железной пластине, прибитой сбоку от двери, и мы оказались внутри. На стенах дупла были вырезаны знакомые нам символы — лилии, жабы и ботинки. Зверек, заметив наш интерес к рисункам, приложил палец к губам и закурил вонючую папиросу, которую он скатал на наших глазах из каких-то разноцветных трав. Он скатал и нам по одной. И уже через пятнадцать минут дупло заволоч густой дым и фигуры начали расплываться. Малыш Обтус произносил легкие, упругие слова, состоящие из чистой любви к прозрачному ручейку и преклонения перед древней пылинкой, понимающей все. Они слетали с его языка словно серебряные струйки священного сока, вытекающие из вымени тысячи белоснежных козлиц. Он говорил: писю. Он говорил: хи. И мы повторяли за ним. И всякое мышление, не знающее этих слов, и всякий ум, не пузырящийся, словно сладкая слюна во рту мотылька, вождедующего весь мир, не были достойны быть в этом дупле с нами и жить так, как они хотят, и никуда не идти. Мы легли на красный ковер, и нас тут же поглотили желтые линии его лабиринта. Мы блуждали по ним тысячи лет. Мы свистели в глубокие отверстия, образовавшиеся от упавших на ковер угольков, и эхо отвечало нам. Мы дули в рожок, запутавшись в причудливых узорах, разделивших нас на миллион прошлых и будущих и отразившихся в самих себе так, как если бы брошенные с небоскреба осколки зеркал, зафиксировав все, что в них когда-либо отражалось, со-

брались бы вновь и прошептали какую-нибудь ерунду на неведомом языке, которого еще не было и никогда не будет. Мы узнали что-то важное, и толстый зверек передал нам густой отвар из муравьиного ноготка. Он объяснил нам, что отвар нужно втирать в то, что необходимо увеличить, желательно во что-нибудь живое и красивое. Мы поблагодарили его и вышли из дупла, которое все еще наполнял дым. И толстый зверек помахал нам вслед новой папиросой. Вернувшись к Лону Медведицы, мы с Обтусом легли под куст и уснули, чтобы смотреть сны, диктуемые нам чудесным дымком. Я проснулся от ужасного крика, это кричал мой Обтус, размахивая огромной лапой. Он открыл банку с отваром и зачерпнул немного. Через несколько минут его лапа стала размером с тыкву. Я отправил его обратно в Хи, искать отвар, уменьшающий все глупое и сгла-

живающий нелепое, а сам, надев на лапы башмаки, стал натирать ствол деревца. Оно увеличивалось на глазах, почки распускались в одно мгновение, листья тут же желтели и опадали и появлялись новые почки. Ветви быстро росли, и на одну из них я забрался, продолжая натирать ствол. Через пару часов макушка дерева вошла в Лоно Медведицы, и худые заключенные, захохотав и сбросив с себя ветхую одежду, спустились на землю. Дю Картюс похлопал меня по плечу и предложил стать его легатом. Я тут же согласился, хотя и не знал, что это значит, потому что для меня было огромной честью поспособствовать свержению Элагруса. Так я вступил в народную армию Дю Картюса.

Тетушка Зихель, пользуясь языком прикосновений, попросила Арктониса прервать свой рассказ и немного передохнуть, завтра он сможет его продолжить.